

НА ГРАНИ СВЕТА

Кира Сантер

На грани света

«Автор»

2026

Сантер К.

На грани света / К. Сантер — «Автор», 2026

Кира поступает в университет, о котором не пишут и не говорят вслух. Сюда не приходят учиться. Сюда приходят исчезать. С первых дней она становится мишенью: подделки, травля, давление, чужие решения, которые ломают жизнь быстрее, чем она успевает понять правила. Но самое страшное — никто не пытается её спасти. Потому что это и есть система. Здесь проверяют не знания. Здесь проверяют, как именно ты сломаешься. Максим — холодный, опасный, тот, кто наблюдает и вдруг начинает вмешиваться. Артём — единственный, кто остаётся рядом, даже когда правда становится слишком грязной. И Виктория — идеальная, безжалостная, та, кто уже решила, чем всё закончится. Чем дальше Кира заходит, тем очевиднее: это не отбор. Это зачистка. И единственный шанс выжить — перестать быть собой. Но Кира выбирает другое. И если она дойдёт до конца — кто-то исчезнет. Вопрос только в том, будет ли это она или все остальные ?

© Сантер К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог.	5
Глава 1. Дом, где не мечтают	8
Глава 2. Билет наверх	16
Глава 3. Там, где тебя проверяют	26
Глава 4. Первый ход	37
Глава 5. То, что уже было	51
Г	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Кира Сантер

На грани света

Пролог.

До

Это не было началом.

Начало всегда выглядит иначе. Громче. Заметнее.

А это просто произошло.

Очень тихо, чтобы кто-то понял.

Система не давала сбоя.

Никогда.

Она не зависала. Не ошибалась. Не сомневалась. Она считала. Предсказывала. Исправляла. И именно поэтому любое отклонение было невозможным.

— Ещё раз.

Голос Алексея звучал спокойно. Слишком спокойно.

— Мы уже проверили всё, — ответили позади. — Это шум.

— Нет.

Пауза.

— Это выбор.

Тишина.

— Система не допускает «выбора» вне модели.

Алексей не отвёл взгляд от экрана.

— Тогда объясни это.

График. Почти идеальный. И маленький сдвиг.

Настолько незначительный, что его можно было списать. Если бы он не повторился.

Снова.

И снова.

— Кто это?

— Пользователь.

— Я вижу. Пауза. — Какой.

Задержка.

— Девочка.

Алексей замер.

— Возраст?

— Недостаточно данных.

— История поведения?

— Нестабильна.

Пауза.

— Объясни.

— Она не повторяет себя.

Тишина.

— Все повторяют себя.

— Она — нет.

Экран мигнул.
Новое решение.
Система выдала прогноз.
Вероятность: 98.7%
Результатне совпал.
Пауза затянулась.
— Перезапусти анализ.
— Уже.
— Ещё раз.
— Алексей
— ЕЩЁ РАЗ.
Данные перестроились. Медленно. Сопротивляясь. Результат: несовпадение.

— Это невозможно.
— Это происходит.
Пауза.
— Тогда это ошибка.
Алексей покачал головой.
— Нет.
Тише.
— Ошибка не повторяется одинаково по-разному.
Тишина стала тяжёлой.
— Ты понимаешь, что это значит?
Он долго не отвечал.
Потом — почти шёпотом:
— Да.
Пауза.
— Система впервые не знает, что будет дальше.

Где-то далеко девочка сидела на полу. Комната была тёмной. Тесной. Слишком тихой. Она смотрела на свои руки. Как будто они могли объяснить, почему она сделала это. Она не знала правил. Но знала одно. Это было правильно. И именно поэтому она не могла объяснить — почему.

— Мы должны её ограничить.
— Мы должны понять её.
— Это риск.
— Это шанс.
Тишина.
— Ты готов поставить всё на это?
Алексей посмотрел на экран. На имя, которое ещё ничего не значило.
— Я уже поставил.

Система зафиксировала изменение. Микроскопическое. Почти нулевое. Но внутри что-то
сдвинулось. Не код.
Логика.

— Если она выйдет за пределы

— Она уже вышла.

Пауза.

— Тогда её нужно остановить.

Алексей впервые отвёл взгляд.

— Или последовать за ней.

Девочка подняла голову.

Резко.

Как будто почувствовала. Не взгляд. Присутствие.

Она не испугалась.

И это было самым опасным.

— Дай ей имя в системе.

— Зачем?

Пауза.

Алексей ответил тихо:

— Чтобы, когда всё начнётся экран отразил его лицо. — мы знали, кого это остановит.

Имя появилось.

Кира.

Система приняла.

Но не поняла.

И в этот момент произошло то, чего никто не заметил.

Она не стала частью системы. Система начала становиться частью её.

Это не было ошибкой. Это было первое нарушение. И никто тогда ещё не понимал, что именно оно однажды сломает всё.

Глава 1. Дом, где не мечтают

Понедельник. Солнце ласково стучало в окна, напоминая о том, что наступил новый день. И можно было бы подумать, что это должно неимоверно радовать, но каждое утро на протяжении последних лет в этой семье начиналось далеко не с солнца и даже не со звука будильника, а с кашля.

Сухого, тянущегося, такого скрипучего, как будто что-то внутри этого человека давно вышло из строя, но все еще пыталось работать по привычке. Именно этот звук всегда слышался раньше света, мыслей, раньше какого-либо желания проснуться и открыть глаза.

Кира всегда просыпалась от него, сразу, так быстро и мучительно. Это означало, что новый день под этой крышей снова наступал, по правде, в этом доме невозможно было выспаться по-настоящему.

Она лежала, не двигаясь, и всегда по долгу смотрела в потолок. Каждый раз картинка практически не менялась. Сначала появилась одна трещина - совсем незаметная, потом другая, и так они медленно и незаметно расползлись по потолку тонкой нитью, как карта.

Иногда ей казалось, что, если долго смотреть, можно понять, куда они ведут.

«Смешно» - думала она. - «Даже потолок здесь трескается медленно. Аккуратно. Чтобы никого не потревожить».

С кухни доносились звуки ложки о кастрюлю. Это тоже своего рода был определенный ритуал в этой семье, ведь даже завтрак здесь был таким же как вчера и как последние 20 лет ее жизни.

Казалось бы, обычные звуки. Слишком обычные.

Именно это ее и пугало.

Не бедность. Не теснота. А то, как все это стало нормой.

Она закрыла глаза и подумала: «Вот так и происходит, да? Ты просто живешь и однажды просто перестаешь задавать вопросы».

Мысль была настолько неприятной. Почти физической, что Кира резко захотела снять с себя это напряжение и села, с силой ударив рядом лежавшую подушку.

Нет.

С ней так не будет. Она себе пообещала еще в 6 лет, впервые осознанно увидев слезы матери. И именно эта картина, словно крест, который она несла с этого возраста, каждый раз напоминала ей о том, как она резко почувствовала себя взрослой.

но вновь где-то глубоко внутри уже шевельнулось сомнение «А что если будет? Что если из этой клетки невозможно будет вырваться?»

Она вновь резко ударила по подушке. Встала. Накинула на себя свитер и вышла на кухню.

Там все было как всегда.

Мать стояла у плиты.

Отец уже в куртке.

Даже свет здесь – желтый, уставший.

-Доброе утро, - сказала Кира

-Угу.

Этот звук даже не был ответом.

Скорее – подтверждением присутствия.

«Мы здесь. Мы существуем. Этого достаточно».

Она села за стол.

Перед ней поставили тарелку.

Каша. Горячая, густая и безвкусная. Даже не прикасаясь к этой тарелке, она уже знала какая она на вкус. Именно этот вкус вызывал у нее такое отвращение, что она перестала зав-

тракать дома. Она всегда ела только одну ложку. И со словами очень занятого человека выбежала из этой квартиры.

Кира смотрела на нее и поймала себя на мысли:

«Интересно. А если бы я родилась в иной семье – у меня сложилась бы иная жизнь?»

Она взяла ложку с кашей.

И невольно посмотрела на своё отражение в тёмном стекле окна.

Размытое. Как будто не до конца оформленное. Она задержала взгляд. Слишком обычная.

Не «плохая» — именно обычная. Такая, которую не замечают. Которую можно перепутать. Забыть.

«Чтобы попасть туда нужно выглядеть иначе».

Мысль пришла резко.

Она опустила глаза.

Свитер — вытянутый. Волосы — как попало. Лицо — без акцентов, без уверенности.

«Меня видно сразу».

Не как человека.

Как происхождение.

И от этого внутри поднялось знакомое чувство.

Сжатое. Тихое.

Стыд.

Она быстро отвела взгляд.

Как будто кто-то мог заметить её мысли.

-Ты сегодня допоздна? - спросила мать.

-Да, очень тяжелая подготовка к вступительному экзамену.

-Главное-обучение. С наличием высшего образования в жизни тебе будет значительно легче.

Легче.

Слово прозвучало мягко, привычно. И именно это звучало как приговор.

Кира медленно кивнула.

«Почему у нас в доме всегда про легче? Почему не про интереснее и не про сильнее? Не по-другому?»

Кира снова посмотрела на мать. Все те же грустные глаза. Та выглядела спокойной. Не счастливой. Не несчастной.

Просто приспособленной. И это было страшнее всего. Ее безразличие к миру было так осязаемо, что хотелось взять ее за руки и встряхнуть.

Она всегда казалась чужой в той жизни, в которой оказалась. Её красота не просто бросалась в глаза — она выбивалась из реальности, как что-то лишнее, как ошибка в мире, где всё должно было быть серым и одинаковым. Тонкие, почти идеальные черты лица, чистая кожа, в которой свет будто задерживался, мягкие линии губ и выразительные глаза, в которых жила глубина, не соответствующая её окружению. Её волосы ложились так, словно за ними кто-то постоянно следил, даже когда времени на это не было. Она не старалась быть красивой — она просто была.

И это делало всё ещё более неправильным.

Мать Киры часто ловила на себе взгляды — не только восхищённые, но и непонимающими. Как будто люди не могли понять, что она делает здесь, среди обшарпанных стен, усталых лиц и бесконечной нехватки всего. И сама она не понимала. Иногда, глядя на своё отражение в мутном стекле, она задерживалась дольше, чем хотела бы. Не из гордости.

Из-за вопроса.

«Почему?»

Почему с такой внешностью — такая жизнь.

Почему она здесь.

И почему это никак не меняется.

Её муж, отец Киры был полной противоположностью.

В нём не было ничего, что цепляло бы взгляд с первого раза. Средний рост, обычная фигура, ничем не примечательная внешность. Его можно было забыть через минуту после встречи — и в этом была его главная особенность.

Но если присмотреться — становилось понятно, что он не так прост. Черты лица у него были аккуратные, даже в чём-то правильные, но взгляд взгляд всё портил и одновременно создавал ощущение, что за этой «обычностью» скрывается что-то большее. В нём читалась хитрость, внимательность, постоянный расчёт. Он редко говорил лишнее, но всегда замечал больше, чем показывал.

Он не был красив.

Но и не был пустым.

Он был из тех людей, которых недооценивают — до тех пор, пока не становится поздно.

Работящий, выносливый, молчаливый. Он не задавал лишних вопросов и не жаловался.

Просто делал то, что нужно.

И, возможно, именно это удерживало их жизнь от окончательного распада.

Отец уже обувался.

-В нашем доме все просто- сказал он вдруг-Работаешь-живешь. Не работаешь- жизнь закончилась. Он сказал эту фразу так просто. Как закон физики.

Кира почувствовала, как внутри что-то сжалось. Очень редко слова ее отца имели хоть какое-то значение. Он просто был механиком. Он просто плыл по течению, а не против него. Он всегда считал, что стабильность, это показатель качества и успеха, а не показатель того, что он так же стоит на стартовой точке, даже не пытаясь что-то изменить в жизненном укладе.

«Нет».

«Это не все».

-Пап- начала она.

Он так невзрачно посмотрел на нее, будто к нему обращалась не родная дочь, а кто-то совершенно незнакомый. Будто к нему обращался продавец из сетевого магазина, который просто хотел проявить вежливость.

- А ты никогда не думал ни о чем другом?

Тишина. Короткая и такая тяжелая.

- О чем другом? - ответил отец.

-Ну о другой жизни

Он посмотрел на Киру слишком спокойно. Так, будто он каждый день слышит этот вопрос.

- Дочка, жизнь она одна, что о ней думать?

И в этот момент она почувствовала не обиду. Нет. Разрыв. Как будто между ними не просто разница во мнениях.

А разные системы координат.

Он встал и молча ушел.

Дверь закрылась. И стало так тихо. Слишком тихо. А мать даже и не обернулась.

-Не забивай свою светлую голову лишним – сказала она. - Главное- чтобы было спокойно и стабильно.

Кира посмотрела на ее спину.

И вдруг ясно поняла:

«Она тоже когда-то об этом думала».

Эта мысль пришла настолько быстро и внезапно, что Кира даже испугалась того, что наконец-то смогла понять ход мыслей своей матери.

«Она тоже, наверное, хотела чего-то другого.»

«Просто перестала».

И от этого стало по-настоящему страшно.

Не из-за них.

Из-за себя.

«А если это неизбежно?»

«Если в какой-то момент ты просто устаёшь хотеть?»

Она резко встала. Подошла к окну. Холодное стекло.

Двор — серый, привычный. Люди шли быстро. У всех были дела.

Ни у кого — направления.

И вдруг — почти как вспышка — в памяти мелькнула сцена.

Аудитория.

Большие окна. И парень у одного из них. Она не знала его. Даже не была там по-настоящему. Скорее — представляла.

Но образ был слишком чётким. Он не говорил. Не двигался лишний раз. Просто смотрел.

Не на кого-то.

Сквозь.

Как будто видел больше, чем остальные.

И в этом взгляде не было ни интереса, ни одобрения.
Только оценка.
Холодная. Точная.
И почему-то именно этот взгляд задел сильнее всего. «Такие люди сразу понимают, кто ты». Мысль была неприятной. Но честной. Она отвела взгляд от стекла.
Как будто он мог увидеть её даже здесь. В этой кухне. В этом утре.
Она сжала пальцы.
И вдруг мысль сформировалась чётко.
Без сомнений.
«Я не боюсь тяжёлой жизни».
«Я боюсь обычной».
Она закрыла глаза.
Внутри было странное чувство.
Не уверенность. Но и не страх.
Скорее — напряжение перед прыжком.
Как будто она стоит на краю чего-то большого.
И ещё не знает, упадёт или полетит.
Она тихо сказала:
— Я не так буду жить.
И в этот раз она не просто произнесла это.
Она это выбрала.
Пока ещё — только внутри.
Но именно с этого всё и начинается.

Глава 2. Билет наверх

Письмо пришло днём.

Конверт был слишком плотным для обычной бумаги — он не гнулся в руках, как будто внутри лежало не письмо, а решение, уже принятое за неё. Пальцы скользнули по гладкой поверхности, и вдруг стало странно трудно вдохнуть. Смешно — она же ждала этого. Хотела. Шла к этому. Но сейчас, держа его, она чувствовала не радость, а нарастающее напряжение, как перед чем-то необратимым. «Если я открою — всё начнётся», — мелькнуло у неё. И сразу следом: «А если не открою — ничего не изменится». Сердце забило быстрее, будто тело уже выбрало за неё. Она провела ногтем по краю, задержалась на долю секунды — и именно в эту паузу тревога стала почти осязаемой: не страх провала, а страх того, что всё это было не зря.

Ведь за этим конвертом стояли годы, о которых никто здесь не знал и, возможно, никогда бы не захотел знать. Девять классов — как попытка не застрять. Колледж — как компромисс. И работа. Всегда работа.

Была ещё одна смена, которую она старалась не вспоминать — но именно она вспоминалась чаще других.

Кафе на окраине. Дешёвое. Почти всегда шумное.

Она стояла за стойкой уже восьмой час подряд. Ноги гудели так, что казалось — если сделать шаг, можно просто не удержаться. Волосы липли к лицу, форма была на размер больше и пахла чужим потом, сколько ни стирай.

— Быстрее можно? — бросил мужчина, не глядя на неё.

Она кивнула. Сделала быстрее.

— И улыбаться научись, — добавил он, уже отворачиваясь.

Кира почувствовала, как внутри что-то дёрнулось. Не больно. Просто привычно.

Она улыбнулась. Так, как нужно.

Через час девушка из зала случайно задела поднос — стаканы разлетелись, сок пролился прямо на пол.

— Ты вообще смотришь, что делаешь?! — резко сказал администратор.

Не на ту девушку. На Киру.

Она открыла рот. Закрыла.

«Не спорь».

— Извините, — сказала она тихо.

И пошла убирать.

Пол лип к тряпке. Руки дрожали. В какой-то момент она просто остановилась. На секунду.

И посмотрела на своё отражение в тёмном стекле витрины. Размытое. Уставшее.

«Вот так и остаются», — мелькнуло. «Вот так и живут».

И вдруг стало страшно. Не от усталости. Не от людей.

От того, что это может стать нормой.

Она сжала тряпку сильнее. Почти до боли.

«Нет».

Не вслух. Внутри.

Когда смена закончилась, ей выдали деньги — наличными, мятыми купюрами.

Она пересчитала. Молча.

Меньше, чем должно было быть.

— Тут не хватает, — сказала она.

Администратор даже не посмотрел.

— За разбитое вычли.

— Но это не я—

— Все так говорят.

Тишина.

И вот здесь был момент.

Можно было спорить. Доказывать. Тратить силы, которых уже не было.

А можно — взять. И уйти.

Она взяла.

Пальцы сжали деньги так, будто они могли исчезнуть.

На улице было холодно.

Она стояла у входа ещё несколько секунд. Не двигалась.

И вдруг поняла: её унизили. Просто. Обыденно. И никто этого даже не заметил.

И именно это было самым страшным. Она медленно выдохнула.

«Запомни».

«Это не твоя жизнь».

Воспоминания накрыли медленно, но плотно, как будто кто-то изнутри тянул её назад: холод, усталость, чужие голоса, в которых никогда не было места для неё. Всё это вдруг стало слишком близко. Слишком настоящим.

Пальцы сжались сильнее. Бумага тихо хрустнула.

И — резкое, тонкое ощущение.

Она не отдернула руку.

Как будто уже знала это чувство.

Боль пришла с задержкой — сначала намёком, потом чёткой линией. Край конверта впился в кожу, и тонкая полоска крови выступила на пальце, слишком яркая, почти чужая.

Кира медленно опустила взгляд.

Белая бумага. Кровь. Контраст был слишком чистым.

И вдруг — странная, почти случайная мысль: «Так выглядит, когда что-то портится навсегда».

Она замерла.

Почему именно это? Почему сейчас?

Будто где-то внутри уже существовало знание — не оформленное, не прожитое, но неизбежное.

Как предупреждение.

Как сцена, которая ещё не случилась.

Чьи-то слова, сказанные тихо. Чей-то взгляд, в котором не будет ни тепла, ни сомнений.

И то же самое ощущение — когда ты понимаешь, что ошиблась не в моменте, а в человеке.

Она резко вдохнула.

Боль в пальце стала чётче. Реальнее.

«Запомни», — мелькнуло.

Не мысль. Почти приказ.

Она провела пальцем по порезу — медленно, будто фиксируя границу. Кровь размазалась по конверту, впилась в бумагу, оставив неровное пятно.

Теперь он уже не был чистым.

Как и всё, к чему она только собиралась прикоснуться.

Пальцы задрожали.

«Если я открою — всё начнётся».

И где-то глубже — «И не всё закончится хорошо».

Она сжала конверт сильнее.

Почти с вызовом.

И резко разорвала.

Бумага поддалась сразу. Слишком легко.

Кира замерла на секунду, глядя на кровь, на разрыв, на свои руки.

И вдруг ясно почувствовала: это только первый раз, когда боль приходит так тихо.

Потом она будет громче.

И уже не от бумаги.

Она развернула письмо.

Теперь пути назад не было.

Даже если она ещё не знала, кого именно однажды придётся в этом обвинить.

«зачислена»

Слово было простым. Слишком простым.

«И всё?» — мелькнуло у неё. «Вот так просто меняют жизнь?»

Но внутри уже началось движение. Тихое. Необратимое.

Университет встретил её не холодом.

Хуже.

Равнодушием.

Как будто он не собирался её принимать. Только проверять — выдержит ли.

Кира шла по коридору, чувствуя, как внимание цепляется за детали.

Кто здесь главный. Кто уверен. Кто лишний. И почти сразу поняла — здесь есть иерархия.

Неявная. Но жёсткая.

Она остановилась у расписания, делая вид, что внимательно читает.

На самом деле — собиралась.

«Не выдай себя».

Мысль прозвучала чётко.

И вдруг — ощущение взгляда.

Она подняла голову.

Тот самый. Парень у окна.

И всё вокруг будто на секунду сместилось.

Он был высоким — не просто выше остальных, а так, что пространство вокруг него начинало подстраиваться под его рост. Прямая осанка, уверенные движения, в которых не было ни суеты, ни лишней резкости. Он не пытался привлекать внимание. Но именно поэтому привлекал его ещё сильнее.

Лицо слишком правильное. Не идеальное в глянцевого смысле — а опасно красивое. Такая внешность, на которую смотришь — и почти сразу хочется отвернуться.

Потому что слишком много.

Чёткая линия скул, спокойный, почти холодный взгляд, в котором не было открытой агрессии — но было ощущение, что он видит больше, чем должен. Его глаза не цеплялись за людей — они как будто проходили сквозь них, оставляя после себя странное чувство, будто тебя уже оценили.

И решили.

Кира поймала себя на том, что задержала дыхание.

Глупо.

Но по-другому не получалось.

От одного взгляда на него внутри что-то сжималось — не от страха, не совсем скорее от предчувствия. Как будто рядом с ним всё могло измениться слишком быстро. И не обязательно в лучшую сторону. Он не мог оставлять равнодушным.

Ни одним движением. Ни одним взглядом.

Такие люди не «нравятся». Их либо избегают либо уже слишком поздно.

Он стоял, прислонившись плечом к стене, как будто находился здесь дольше всех. Спокойный. Собранный. И смотрел прямо на неё. Не скрывая. Не нагло.

Просто прямо.

Кира выдержала секунду. Вторую.

И уже собиралась отвернуться —

когда он сам сделал шаг к ней.

— Ты слишком долго смотришь расписание, — сказал он спокойно.

Без улыбки.

Кира моргнула.

— Я читаю.

— Нет, — чуть наклонил голову он. — Ты делаешь вид, что читаешь.

Тишина.

Его голос не был резким. Но в нём было что-то неприятно точное. Как будто он не угадывал. А фиксировал.

Кира сжала пальцы.

— И что?

Он чуть прищурился.

— Ничего. Просто интересно.

Пауза.

— Обычно люди здесь либо уверены, либо делают вид, что уверены.

Он посмотрел на неё чуть внимательнее.

— Ты пока не решила.

Это задело.

Сильно.

— А ты, значит, уже решил? — спросила она.

На секунду в его взгляде мелькнуло что-то живое.

Почти интерес.

— Давно.

— И что же?

Он чуть улыбнулся.

Впервые.

Но улыбка была короткой.

— Кто здесь надолго.

Тишина.

Кира почувствовала, как внутри поднимается сопротивление.

— И я?
Он не ответил сразу.
Посмотрел.
Прямо.
Слишком прямо.
— Пока не ясно.
И это было хуже, чем «нет».
Он развернулся. Собрался уйти.
— Подожди, — сказала она.
Он остановился.
— Что?
— Ты всех так оцениваешь?
— Всех, кто пытается скрыть, что им некомфортно.
Пауза.
— Это заметно.
Он сказал это спокойно. Без упрёка. И именно поэтому стало неловко.
Кира выпрямилась.
— Привыкну.
Он кивнул.
— Либо да.
И после короткой паузы:
— Либо нет.
— Очень вдохновляет.
Теперь он посмотрел чуть внимательнее.
— Я не обнадёживаю.

И ушёл.

Кира осталась стоять.

Сердце билось быстрее, чем должно было. «Кто он вообще такой?» Но внутри уже был другой вопрос: «Почему его мнение имеет значение?»

Она отвернулась. Резче, чем нужно.

«Не имеет».

Но мысль не закрепилась.

День прошёл как в тумане. Слова. Лица. Смех. И ощущение, что за ней наблюдают. Не все.

Кто-то.

Когда она вышла из здания, воздух показался другим.

Свободнее.

Но ненадолго.

Потому что внутри всё ещё было напряжение.

Как после экзамена, результат которого ты уже чувствуешь, но ещё не знаешь.

Дома было тихо.

Слишком тихо.

Мать сидела на кухне.

— Ну как? — спросила она.

Кира сняла куртку.

— Нормально.

Пауза.

— Там всё по-другому.

Мать кивнула.

Слишком быстро.

— Я знаю.

Кира замерла.

— В смысле?

— Просто знаю.

Она отвернулась к чашке.

Слишком аккуратно взяла её в руки.

«Она избегает». Это было очевидно.

— Ты там была? — спросила Кира.

Мать замерла. На долю секунды. Но этого хватило.

— Нет.

Слишком быстро.

— Просто слышала.

Тишина.

Кира смотрела на неё.

«Неправда».

Она не знала почему. Но чувствовала.

— Мам

— Кира — перебила она мягко, но твёрдо. — Главное — не лезь туда, куда не надо.

Вот теперь стало холодно.

— Куда «туда»?

Мать посмотрела на неё.

И в этом взгляде было что-то новое. Не привычное спокойствие.

А тревога.

Настоящая.

— Там люди другие.

— Какие?

Пауза.

— Которые не прощают ошибок.

Тишина.

Кира медленно села.

— Ты их знаешь.

Это уже не вопрос.

Мать опустила взгляд.

— Я знаю, как это заканчивается.

И это было хуже ответа.

— Что заканчивается?

Но она уже встала.

— Ешь, пока не остыло.

Разговор был закончен.

Снова.

Как будто кто-то поставил точку.

Но в этот раз — внутри Киры что-то не закрылось.

Наоборот.

Открылось.

Она смотрела на мать.
И впервые подумала: «Ты не просто боишься». «Ты что-то скрываешь».
Позже, уже в комнате, Кира сидела на кровати.
День прокручивался в голове.
Взгляды. Слова.
И он.
Парень у окна.
«Пока не ясно».
Она сжала губы.
— Значит, станет ясно, — тихо сказала она.
И в этой фразе было больше, чем ответ ему. Почти обещание. Себе.

В то же самое время Максим стоял у окна, глядя на огни ночного города, но видел не их.
Он видел её.
Слишком отчётливо.
Как будто она всё ещё стояла перед ним, а не растворилась где-то в потоке людей.
Он пытался вспомнить, что именно в ней зацепило — и не мог выбрать что-то одно.
Глаза.
Ярко-небесно голубые. Не просто светлые — чистые до нереальности, как будто в них не было ни тени, ни примеси, ничего, что делало бы взгляд «обычным». Смотреть в них было почти неправильно — слишком открыто, слишком глубоко.

И волосы.
Настолько светлые, что казались почти белыми. Не холодными — мягкими, светящимися, словно вокруг неё всегда было чуть больше света, чем должно быть. На секунду у него даже возникла странная, почти нелепая мысль — будто за её спиной должен быть нимб.

И это раздражало.
Потому что такие ассоциации не должны приходить сами собой.
Он видел красивых девушек. Много.
И никогда не запоминал их.
Они были одинаковыми. Сливались. Исчезали.
Она — нет.
Он помнил, как она стояла. Как смотрела. Как не пыталась понравиться.
И, кажется, даже не знала, как выглядит со стороны.
В этом и было самое странное.
На ней была самая обычная одежда — простая, почти незаметная, из тех, что не запоминаются. Но на ней это выглядело неважно.

Не потому что одежда была хорошей. А потому что она не имела значения.
Максим поймал себя на мысли, что она бы выглядела так же даже в мешке.
И это не было преувеличением. Это было фактом.
Она не старалась быть красивой.
Она просто была.
И, кажется, сама этого не понимала.
Он нахмурился.
Потому что был ещё один вопрос.
Гораздо более неприятный.
Что она здесь делает.
Такие люди не появляются случайно.
И уж точно — не остаются незамеченными.
Он снова посмотрел в окно.

Но город больше не отвлекал.
Потому что теперь он уже знал — он её запомнил.
И это было проблемой.

Глава 3. Там, где тебя проверяют

Она почувствовала это ещё до того, как всё началось.

Не событие. Не слова.

А внимание.

Оно стало плотнее. Сфокусированнее.

Как будто кто-то решил: «сейчас».

Кира стояла у окна в холле, сжимая в руках телефон, который давно погас. Делать вид становилось сложнее — здесь слишком хорошо чувствовали фальшь.

— Ты ведь новенькая, да?

Голос прозвучал мягко. Слишком мягко.

Кира обернулась.

Виктория.

Она сразу поняла, кто это. Не потому что знала. А потому что таких не путают.

Виктория выглядела так, будто мир вокруг мог позволить себе быть неидеальным — но она нет. В ней не было ни одной случайной детали. Ни одной.

Её волосы лежали безупречно — не «аккуратно», а именно выверенно. Каждая прядь знала своё место, ни один локон не выбивался, как бы она ни двигалась. Это не выглядело как старание — скорее как правило, которое нельзя нарушить.

Укладка не кричала о себе, но и не позволяла забыть: контроль здесь абсолютный.

Лицо — чёткое, собранное, как будто эмоции в нём проходили строгую проверку перед тем, как появиться. Ни лишнего напряжения, ни расслабленности. Даже мимика была точной.

Идеальной.

Одежда сидела на ней так, словно была создана не по размеру — по ней. Длина — ровно там, где нужно. Линии — выверены. Ткань — без единой складки, без намёка на случайность. Ничего лишнего. Ничего «для красоты». И при этом — безупречно.

Она не выглядела нарядной. Она выглядела правильно. Как человек, который не может позволить себе выглядеть иначе. Даже украшения — если они были — не привлекали внимания. Они просто завершали образ, как последняя точка в идеально выстроенном предложении.

Кира поймала себя на странной мысли: если бы сейчас что-то в Виктории оказалось не на месте — хотя бы на миллиметр — это выглядело бы не как мелочь, а как катастрофа.

Потому что её идеальность не была выбором. Она была необходимостью. И именно это делало её по-настоящему пугающей. Не потому что она стремилась к совершенству. А потому что не имела права быть несовершенной.

Острые скулы, чёткая линия подбородка, губы, которые чаще сжимались в тонкую линию. Она не стремилась выглядеть мягкой.

И не была.

Но главное — глаза.

Светлые, холодные, внимательные.

Такие, которые не просто смотрят — анализируют. Как будто каждый человек перед ней — задача, которую нужно решить. В этом взгляде было что-то почти неприятное: ощущение, что она замечает больше, чем говорит, и понимает раньше, чем ты успеваешь что-то объяснить.

Кира поймала себя на мысли, что рядом с ней хочется либо сразу оправдываться либо держать дистанцию.

Люди вокруг Виктории — чуть ближе, чем нужно, как будто её присутствие притягивало.

Центр.

— Да, — ответила Кира.

— Я так и подумала, — Виктория сделала шаг ближе, оглядывая её с головы до ног. Неспешно. Не скрывая.

— Ты интересно выглядишь.

Пауза.

— Для этого места.

Тихий смешок где-то за спиной.

Кира почувствовала, как внутри всё напряглось.

«Спокойно».

— Привыкну, — сказала она.

— Конечно, — легко кивнула Виктория. — Все сначала так говорят.

Она обошла её чуть сбоку.

— Просто вопрос ты сама сюда поступила?

Тишина стала острее.

Теперь уже слушали.

Кира почувствовала это кожей.

— Да.

— Правда? — Виктория наклонила голову. — Без помощи?

И вот здесь это произошло.

Не слова.

Смысл.

«Ты здесь лишняя».

— Да, — повторила Кира. Чётче.

Виктория злобно улыбнулась.

— Тогда тебе будет сложно.

Сзади кто-то усмехнулся.

— Здесь не любят тех, кто слишком старается, — добавила она тихо.

Кира почувствовала, как в груди поднимается жар.

Не страх. Злость.

— А здесь любят кого? — спросила она.

На секунду — тишина.

Короткая.

Но важная.

Виктория чуть прищурилась.

— Тех, кому не нужно стараться.

— Удобно, — ответила Кира.

И вот теперь это стало заметно.

Она не отступила.

И это изменило тон.

Улыбка Виктории стала тоньше и еще фальшивее.

— Посмотрим, как долго ты выдержишься с таким подходом.

Она протянула руку — будто поправить воротник Киры.

Жест выглядел почти заботливо.

Но пальцы сжались чуть сильнее, чем нужно.

— Вещи тоже многое говорят о человеке, — тихо добавила она.

И отпустила.

Слишком резко.

Ткань чуть дёрнулась.

Смех — уже не скрытый.

Кира почувствовала, как лицо начинает гореть.

Вот он.
Момент.
Публичный.
Чёткий.
Где тебя либо ломают. Либо нет.
Она уже открыла рот —
— Хватит.
Голос прозвучал спокойно.
Но так, что смех оборвался.
Сразу.
Кира обернулась.
Максим.
Он стоял чуть в стороне. Но теперь — в центре внимания.
И смотрел не на Киру.
На Викторию.
— Ты теряешь время, — сказал он.
Просто.
Без давления. Но в голосе было что-то, от чего пространство вокруг стало тише.
Виктория замерла.
На долю секунды.
И этого было достаточно.
— Я просто общаюсь, — легко ответила она.
Но уже не так уверенно.
Максим чуть наклонил голову.
— Не похоже.
Пауза.
И затем — тише:
— Не начинай.
И вот здесь это стало видно.
Страх.
Едва заметный.
Но настоящий.
Виктория улыбнулась.
Снова идеально.
— Как скажешь.
Она перевела взгляд на Киру.
Теперь — без насмешки.
С оценкой.
— Увидимся.
И ушла.
Толпа начала расходиться.
Слишком быстро.

Как будто ничего не было.

Кира стояла.

Сердце билось сильно.

— Ты часто так делаешь? — сказала она, не глядя на Максима.

— Как?

— Вмешиваешься.

— Нет.

Пауза.

— Только когда становится скучно.

Она посмотрела на него.

— И сейчас было скучно?

Он посмотрел в ответ.

— Уже нет.

Тишина.

Слишком плотная.

— Спасибо, — сказала она.

Он чуть кивнул.

— Не за что.

И после паузы:

— Но это ничего не меняет.

— Что именно?

— Тебя всё равно будут проверять.

Он развернулся.

— Вопрос только — как долго.

И ушёл.

Кира осталась одна.

Но теперь ощущение было другим.

Не «чужая».

А «замеченная».

И это было опаснее.

Максим не сразу ушёл далеко — он просто отошёл достаточно, чтобы его не видели рядом с ней. Он не любил объяснять свои поступки, особенно те, в которых не был до конца уверен. А с Кирой было именно так. Слишком быстро она выбилась из общего фона. Слишком явно — не вписывалась. И именно поэтому притягивала внимание.

Его — тоже. Это снова его раздражало. Он привык считать людей: кто зачем здесь, на сколько их хватит, где они сломаются. С ней не складывалось. Она выглядела уязвимой — и при этом не отступила. Это было нелогично. Неправильно. И опасно. Такие либо быстро исчезают либо точно создают проблемы. Он сказал себе, что это просто наблюдение. Интерес — профессиональный, почти механический.

Но почему-то снова запомнил, как она стояла. Как ответила. И это уже выходило за рамки привычного контроля. «Не вовлекайся», — подумал он.

И почти сразу понял, что уже чуть-чуть опоздал.

— Жёстко он, да?

Голос рядом прозвучал легче. Почти непринуждённо.

Кира обернулась.

Парень.

Улыбка — открытая. Взгляд — тёплый.

Слишком контрастный после всего.

Он был высоким, с правильной осанкой и лёгкой, уверенной пластикой движений. Не напряжённой — наоборот, слишком естественной, будто он точно знал, какое впечатление производит, и давно привык этим пользоваться.

Симпатичный. Не броско-красивый, как Максим. Другой. Более «удобный» для взгляда.

Черты лица мягче, аккуратнее, без той опасной резкости. В нём не было ничего, что сразу заставляло бы отвести глаза — наоборот, на него было легко смотреть. Даже приятно.

Но именно это и настораживало.

Его улыбка появлялась слишком вовремя. Взгляд — внимательный, но как будто с просчётом.

Как будто он не просто разговаривает. А ведёт диалог к нужному ему результату.

Кира поймала себя на том, что внутренне напряглась.

— Слишком гладко

Мысль мелькнула почти сразу.

В нём не было явной фальши. Но ощущение она чувствовала.

Будто под всем этим — ещё один слой. Тот, который он не показывает.

Она чуть прищурилась, разглядывая его.

Может, она просто предвзята.

Может, после Максима ей теперь во всех будет мерещиться скрытая угроза.

Пауза.

Но она не стала отгонять это чувство. Потому что именно такие — спокойные, убедительные, почти идеальные в общении — чаще всего и оказываются самыми опасными.

И если он начал этот разговорто наверно не просто так

— Ты в порядке? — спросил он.

— Да.

— Не выглядит как «да», — усмехнулся он.

И это не раздражало.

Странно.

— Я Артём.

Он протянул руку.

На секунду Кира замерла.

После всего — этот жест казался почти опасным.

Но она всё же пожала.

— Кира.

— Я видел, что произошло, — сказал он. — Не лучший старт.

— Бывало хуже.

Он посмотрел внимательнее.

— Верю.

Пауза.

— Но ты неплохо держалась.

Она чуть нахмурилась.

— Это был комплимент?

— Почти, — улыбнулся он.

Легко.

Слишком легко.

— Если что — он чуть наклонился ближе, понизив голос, — здесь лучше не оставаться одной.

Кира почувствовала, как внутри что-то напряглось.

— Это угроза?

— Совет.

Он чуть отступил.

— Я могу показать, как тут всё устроено.

Пауза.

— Если захочешь.

Он сказал это спокойно.

Но слишком вовремя.

Слишком правильно.

Как будто знал, когда именно нужно появиться.

— Почему? — спросила она.

Он пожал плечами.

— Интересно.

И снова улыбнулся.

Тепло.
Почти убедительно.
Кира смотрела на него.
И вдруг поймала себя на мысли:
«С ним явно проще».
И почти сразу — второй:
«Слишком просто».
— Я подумаю, — сказала она.
— Подумай, — кивнул он.
И, уже отходя:
— Только недолго.
Она осталась одна.
Но теперь вокруг было иначе. Не просто мир.
А поле.
Где её уже заметили. Оценили. И начали играть.

Виктория не показала ничего — ни там, ни сразу после. Она ушла спокойно, с той же идеальной осанкой, с тем же выражением лица, которое не позволяло никому заподозрить трещину. Но внутри уже шёл расчёт. Быстрый. Холодный. Она не злилась на Киру — та была слишком мала для этого. Её раздражало другое: реакция Максима. Он вмешался. Ради кого? Ради девочки, которая даже не понимает, куда попала. Это нужно было исправить. Аккуратно. Без прямых столкновений. Виктория не ломала — она выдавливала. Сначала — разговоры. Намёки. Правильные люди, которым «случайно» станет известно, откуда Кира, как она попала, чего хочет. Потом — ситуации, в которых та будет выглядеть неуместно. Ошибки, которые ей помогут «совершить». И в какой-то момент всё произойдёт само: её просто перестанут принимать. Перестанут звать. Перестанут замечать. А для таких, как она, это хуже открытого удара. Виктория чуть улыбнулась, уже мысленно расставляя фигуры. Эта игра ей была знакома. И она почти никогда не проигрывала.

Дома всё было по-прежнему тихо, как будто ничего в мире не произошло. Это и сломало её окончательно. Кира закрыла за собой дверь, прошла в комнату и только там позволила себе остановиться. Села на край кровати — и вдруг всё навалилось разом. Слова, взгляды, смех. Она сжала лицо руками, но слёзы уже пошли — резко, без предупреждения, как будто внутри слишком долго держалось. И вместе с этим всплыло другое. Школа вспоминалась не как место, а как ощущение — постоянного ожидания удара. Не обязательно физического, хотя и такое было. Чаще — словами. Тихими, чтобы учителя не слышали, но достаточно громкими, чтобы она слышала всегда. «Нищая». «В той же кофте опять». Смех, который начинался с одного человека и подхватывался остальными, как что-то само собой разумеющееся. Её толкали в коридоре — будто случайно, но слишком часто, чтобы это было случайно. Один раз её прижали к шкафчикам, и кто-то прошипел почти в ухо: «Тебе здесь не место». Тогда она просто замерла. Не ответила. Не потому что не было слов — потому что внутри всё сжималось в один единственный импульс: переждать. Сделать вид, что это не с ней.

И всё же был один человек, который видел её не через это. София. Единственная, кто садился рядом не из жалости, а потому что так хотела. Она не защищала громко — не вступала в конфликты, не делала сцен. Но она оставалась. После уроков, в сообщениях, в коротких разговорах, где Кира могла быть не «той самой девочкой», а просто собой. Иногда София шутила, иногда злилась за неё сильнее, чем она сама позволяла себе. И именно рядом с ней Кира впервые почувствовала странную вещь: что её можно не оценивать.

Но даже это не отменяло остального. Каждый день был как маленькое испытание на выдержку. И самое тяжёлое было не в словах и не в толчках — а в том, что постепенно она начала верить. Верить, что лучше не выделяться. Не отвечать. Не спорить. Быть тише, меньше, незаметнее. Это было безопаснее.

И сейчас, сидя в своей комнате, она вдруг ясно увидела разницу. Тогда страх делал её молчаливой. Сейчас — он делал её жёстче.

«Я больше не та», — подумала она.

Телефон завибрировал, когда она уже лежала, уставившись в потолок. Имя на экране — София.

Кира секунду смотрела, прежде чем ответить.

— Ну? — сразу, без приветствия.

Этот тон был знаком. Живой. Настоящий.

— Я поступила, — тихо сказала Алина.

Пауза.

— Я знала, — выдохнула София. — Я знала, что ты это сделаешь.

И вот это «я знала» почему-то задело сильнее любых поздравлений.

— Там всё — Кира замялась, подбирая слова. — Не так.

— В смысле?

Она закрыла глаза.

— Они другие. Смотрят по-другому. Как будто сразу решают, кто ты.

— И что решили? — голос Софии стал жёстче.

Кира усмехнулась без радости.

— Что я лишняя.

Тишина.

Короткая.

Но тяжёлая.

— Кто? — спросила София.

— Да не важно.

— Важно, — резко. — Потому что ты сейчас говоришь так, как будто уже согласилась.

Кира сжала телефон.

— Я не согласилась.

— Тогда не говори это так спокойно.

Пауза.

— Там есть одна — медленно начала Кира. — Она как будто всем управляет. И решила меня проверить.

— И?

— И почти получилось.

София выдохнула.

— Слушай меня внимательно, — её голос стал ниже, серьезнее. — Ты не для того всё это проходила, чтобы какая-то девочка с идеальной укладкой решила, можно тебе там быть или нет.

Кира невольно усмехнулась.

— У неё не только укладка идеальная.

— Да плевать, — отрезала София. — У тебя есть то, чего у них нет.

— И что же?

Пауза.

— Ты знаешь, как это — дойти самой.

Тишина.

Слова повисли.
Простые.
Но точные.
— И ещё, — добавила София уже мягче, — ты не обязана быть как они.
— Я и не хочу.
— Тогда будь хуже.
Кира нахмурилась.
— В смысле?
— В их правилах. Жёстче. Холоднее. Не давай им то, на чём они играют.
Пауза.
— Ты же умеешь терпеть.
Кира медленно выдохнула.
— Умею.
— Вот и всё. Только теперь — не молча. А осознанно.
Тишина стала другой.
Не давящей.
Собирающей.
— Я справлюсь, — сказала Кира.
— Я знаю, — ответила София.
И в этот раз это звучало иначе.
Не как надежда.
Как уверенность.
— Позвони мне, если станет хуже.
— Станет, — честно сказала Кира.
София усмехнулась.
— Тогда звони.
Связь оборвалась.
Комната снова погрузилась в тишину.
Но уже не пустую.
Кира положила телефон рядом.
Закрыла глаза.
Мысли ещё двигались — обрывками.
Виктория. Взгляд. Смех. Максим. Его голос. Артём — слишком вовремя.
«Игра», — снова мелькнуло.
Но теперь это слово не пугало.
Оно структурировало.
Она лежала, глядя в темноту за закрытыми веками, и впервые за день не прокручивала,
«что было не так».
Она думала — «что дальше».
Где говорить. Где молчать. Кого слушать. Кого — нет.
И где-то между этими мыслями появилось тихое, но устойчивое чувство: она больше не
заходит в этот мир случайно.
Она в нём остаётся. С этим она и уснула.
Не спокойно. Но собранно.
Как человек, который уже принял решение — и теперь будет жить с его последствиями.

Глава 4. Первый ход

Утро началось иначе.

Не потому что что-то изменилось вокруг.

Потому что изменилась она.

Кира проснулась раньше будильника. Несколько секунд лежала, глядя в потолок, и ловила себя на странном ощущении — внутри не было вчерашней рассыпавшейся тревоги. Она никуда не исчезла. Просто выстроилась.

Как будто всё заняло свои места.

Она встала, подошла к зеркалу.

Задержалась.

Вчерашнее лицо ещё угадывалось — в глазах, в напряжении, в слишком внимательном взгляде к самой себе.

Но теперь она смотрела иначе.

Не «нравлюсь — не нравлюсь».

«Как меня видят».

Она медленно собрала волосы. Выпрямила плечи. Выбрала одежду чуть внимательнее, чем обычно.

Не лучше. Точнее.

«Не выделяться. Но и не давать повода».

Мысль закрепилась. Она выдохнула.

И вышла.

На кухне уже был свет.

Мать стояла у плиты, но не готовила — просто держала кружку в руках, как будто забыла, зачем пришла.

— Ты рано, — сказала она, не оборачиваясь.

— У меня пары раньше, — ответила Кира.

Пауза.

Слишком длинная для обычного утра.

— Там много людей? — вдруг спросила мать.

Кира замерла.

— В университете?

— Да.

— Ну да.

— Они — мать чуть сжала кружку, — из каких семей?

Вот теперь это было странно.

Не сам вопрос.

То, как он прозвучал.

Слишком осторожно.

Слишком точно.

— Разных, — ответила Кира, наблюдая.

Мать кивнула.

— С тобой уже познакомились?

— Да.

— Кто?

Слишком быстро.

Кира прищурилась.

— А что?

— Ничего, — слишком спокойно ответила мать. — Просто спрашиваю.

Тишина.

Но теперь она была другой.

Напряжённой.

— Мам, — медленно сказала Кира — ты откуда это всё знаешь?

Мать замерла.

На секунду.

И этого снова оказалось достаточно.

— Я не знаю, — ответила она, отворачиваясь. — Просто понимаю.

«Неправда».

Мысль пришла сразу.

Чётко.

— Ты там была, — сказала Кира.

Не вопрос.

Мать резко поставила кружку.

— Не начинай.

— Тогда скажи.

— Кира.

В голосе впервые появилось жёсткое.

— Там люди, с которыми лучше не пересекаться.

— Я уже пересеклась.

Тишина.
Мать медленно повернулась.
И в её взгляде было то, чего раньше не было.
Страх.
Настоящий.
— С кем? — тихо спросила она.
Кира не ответила сразу.
И вдруг поняла:
она не хочет говорить.
Инстинктивно.
Как будто внутри уже есть понимание — это опасно.
— Пока ни с кем, — сказала она.
Ложь прозвучала слишком легко.
Мать смотрела ещё секунду.
Дольше, чем обычно.
Как будто пыталась что-то проверить.
— Будь осторожна, — сказала она тихо.
И отвернулась.
Разговор закончился.
Но в этот раз — не для Киры.
Потому что теперь это было не просто ощущение.
Это было знание.
«Она что-то скрывает».
И это «что-то» уже касается меня.

Кира осталась стоять в тишине, глядя в пустоту, где только что была мать.
И именно в этот момент воспоминание вернулось — резкое, неприятное, слишком живое.

— Ты не пойдёшь туда.
Тогда это прозвучало не как мнение. Как запрет.
— Почему? — тогда спросила Кира.
— Потому что нет.
Без объяснений. Это было странно.

Её мать всегда говорила о важности образования. Всегда. Говорила, что нужно учиться, нужно идти дальше, нужно становиться кем-то большим. Но не там. Не в этом месте.

Этот университет был другим. О нём говорили тихо. С уважением. С завистью. Самый престижный. Самый закрытый. Туда попадали либо те, кого называли «исключительными» либо те, за кем стояли деньги. И почти никто — случайно.

Но дело было даже не в этом.

У него была особенность, которую Кира не сразу поняла. Там не было направлений. Никаких «факультетов», никаких чётких специальностей. Ты поступал — и только потом система определяла, кем ты станешь.

Позже.

После тестов. После наблюдений. После решений, которые ты сам даже не всегда осознавал. И странно — никто никогда не спорил с этим. Никто не пытался выбрать сам. Как будто это считалось нормой.

И именно это зацепило Киру сильнее всего. Свобода, которая на самом деле ею не была. Или наоборот. Она тогда ещё не понимала. Но хотела узнать.

Очень.

— Я сама поступлю, — сказала она тогда.

Мать посмотрела на неё так, как не смотрела никогда.

Долго.

— Нет.

— Почему?

Тишина.

— Потому что ты не должна туда идти.

Не «не сможешь». Не «это сложно».

«Не должна».

И это злило.

Потому что звучало так, будто она уже знает что-то, чего Кира не понимает.

А объяснять — не собирается.

И тогда Кира решила сама. Если не помогут — значит, она справится без.

Но реальность оказалась жёстче. Чтобы просто попробовать поступить, нужно было пройти подготовительные курсы. Платные. Дорогие.

Потом — внутренние тестирования. Ещё дороже.

Даже подача документов стоила столько, что для неё это звучало почти как издевательство.

И тогда начались годы работы.

Сначала — подработки. Потом — нормальная работа. Потом — сразу две. Уставшая. Постоянно. Но упрямая.

Мать пыталась остановить.

Сначала — жёстко. Потом — уговорами. Потом — просто разговорами, которые всегда заканчивались одинаково.

— Ты не понимаешь, куда идёшь.

— Тогда объясни.

Тишина.

Всегда.

Это бесило сильнее всего.

Потому что это уже не выглядело как забота. Это выглядело как страх. Чужой. Непонятный.

И именно поэтому Кира не отступала. Если её так пытаются остановить — значит, там действительно что-то есть. И она должна это увидеть. В какой-то момент мать перестала. Просто затихла. Не помогала. Но и не спорила.

И это было даже страннее.

Как будто она решила дать Кире дойти до этого самой.

И только иногда

Случайно.

Снова появлялось это:

— Может, ты передумаешь.

Тихо. Почти мимо.

Но Кира слышала.

И каждый раз это вызывало одно и то же чувство.

Раздражение.

Потому что теперь это звучало не как попытка остановить.

А как предупреждение.

Которое уже поздно давать.

Кира медленно выдохнула. И только сейчас поняла, что всё это время внутри неё жило одно простое ощущение: она шла не просто в университет. Она шла туда, куда её пытались не пустить любой ценой. И теперь уже было слишком поздно останавливаться

м «не так»?

В университете всё было тем же.

И — уже другим.

Кира шла по коридору и впервые не пыталась спрятаться в пространстве. Не ускоряла шаг. Не опускала глаза.

Она наблюдала.

Кто с кем. Кто смотрит. Кто делает вид, что не смотрит.

И почти сразу почувствовала — её заметили снова.

Но теперь она была к этому готова.

— Уже лучше.

Голос сбоку.

Она повернула голову.

Максим.

Он стоял так же спокойно, как и вчера.

— Что именно? — спросила она.

— Ты не притворяешься, что читаешь расписание.

Пауза.

— Прогресс.

Она чуть усмехнулась.

— А ты всегда следишь за моим развитием?

Он посмотрел внимательнее.

— Только за тем, что выбивается.

— И я выбиваюсь?

— Пока да.

Тишина.

Кира выдержала его взгляд.

— Привыкну.

— Посмотрим, — спокойно ответил он.

Но в этот раз он не ушёл сразу.

Секунда.

Две.

Как будто что-то решил.

— Не вступай с ней в открытую, — сказал он тише.

— С кем?

Он чуть наклонил голову.

— Ты понимаешь.

Пауза.

— Это совет? — спросила она.

— Это экономия времени.

Он развернулся.

И ушёл.

Кира осталась стоять.

«Он не помогает», — подумала она.

«Он управляет».

И почему-то это не оттолкнуло.

Наоборот.

Максим спустился на этаж ниже, не оглядываясь.
Люди расступались автоматически.
Не демонстративно.
Привычно.
Он остановился у стеклянной перегородки.
— Андрей.
Мужчина рядом появился почти сразу.
— Да.
— Новенькая.
Короткая пауза.
— Уже заметил, — ответил Андрей.
Максим кивнул.
— Собери всё.
— В каком объёме?
— В полном.
Тишина.
Андрей чуть прищурился.
— Думаешь, она не случайна?
Максим посмотрел в сторону, где только что стояла Кира.
— Я думаю, что она слишком не подходит чтобы быть случайной.
Пауза.
— Проверим.
Андрей кивнул.
— Сроки?
— Чем быстрее, тем лучше.
И после короткой паузы:
— И тихо.
— Понял.
Андрей развернулся.
Но перед тем как уйти, бросил:
— Если она чистая?
Максим ответил не сразу.
— Тогда это даже интереснее.

К обеду напряжение вернулось. Кира старалась идти по корпусу тихо и незаметно, чтобы не привлекать к себе ненужного внимания. Она всё же невольно огляделась.

И именно тогда почувствовала это.

Сначала — как лёгкое несоответствие. Нечто, что невозможно сразу назвать. Студенты вокруг выглядели правильно. Слишком. Они были разными — по внешности, по одежде, по манере двигаться. Но в них было что-то общее.

Отсутствие случайности. Никто не спешил. Никто не суетился. Никто не выглядел потерянным. Даже те, кто стоял в стороне, не казались одинокими. Скорее — ожидающими.

Кира поймала себя на том, что не слышит привычного шума. Никаких обрывков разговоров, смеха, раздражения. Голоса были — но приглушённые, ровные, как будто каждое слово проходило внутреннюю проверку перед тем, как быть произнесённым.

Она остановилась на секунду.

Один из студентов прошёл мимо. Он посмотрел на неё. И этого взгляда хватило. Не долгого. Не явного. Но слишком точного. Как будто он не просто увидел её. А зафиксировал.

Кира отвернулась. Сердце стало биться быстрее.

— Что с вами не так — почти беззвучно.

И хуже всего было то, что она не могла ответить. Потому что проблема была не в одном человеке. А в том, что они все казались частью чего-то одного. И она — единственная, кто в это «одно» не вписывалась.

— Ты быстро адаптируешься.

Она обернулась.

Артём.

С той же лёгкой улыбкой. С тем же ощущением, что он появляется вовремя.

— Учусь, — коротко ответила она.

— Это видно.

Он посмотрел на неё чуть внимательнее.

— Вчерашняя сцена не всех бы так собрала.

Пауза.

— А тебя собрала?

— Да.

Он улыбнулся шире.

— Значит, ты интереснее, чем кажешься.

«Или опаснее», — подумала она.

— Ты всем так говоришь? — спросила она.

— Только тем, кто остаётся после первого удара.

Тишина.

Он сделал шаг ближе.

— Пойдём, покажу тебе нормальное место здесь.

— А здесь ненормальное? — чуть прищурилась она.

— Здесь — показательное, — спокойно ответил он.

— А чем оно отличается? — спросила Кира, ускоряя шаг.

— Там меньше показухи. И больше правды.

Они вернулись в здание через боковой вход. Здесь было тише. Уже не тот шумный поток — разговоры вполголоса, взгляды, которые задерживаются дольше, чем нужно.

Кира почувствовала, как снова включается это состояние — наблюдать. Считывать. Не выпадать.

— Здесь важно не с кем ты стоишь, — сказал Артём, — а кто останется, когда станет неудобно.

— Звучит как проверка.

— Это она и есть.

Они свернули в длинный коридор. Свет был мягче, звук шагов — глуше.

И вдруг — вибрация.

Артём остановился.

Взгляд на экран — и всё изменилось.

— Да.

Коротко.

Холодно.

Кира не слышала второго голоса. Но почувствовала.

Как давление.

Как приказ.

Несколько секунд тишины.

— Понял.

Он убрал телефон.

— Мне нужно отойти.

— Мы почти пришли, — сказала она.
— Потом.
Резко.
Он уже разворачивался.
— Это срочно.
И ушёл.
Быстро.
Не оборачиваясь.
Кира осталась одна.
Коридор вдруг стал глубже. Тише. Она сделала шаг вперёд. Потом ещё. И остановилась.
Голоса.
Слева. За углом.
— Я тебе говорю, она прям копия, — тихо, но с насмешкой.
Кира замерла.
— Да нет, та хотя бы старалась не лезть так откровенно, — ответил второй голос.
Сердце ударило сильнее.
Они говорили о ней?
— Серьёзно? — третий голос, ленивый. — Ты уже сравниваешь?
Смешок.
— Просто напоминает. Такая же — пауза, — потерянная.
Тишина.
Кира сделала ещё шаг ближе. Почти не дыша.
— И чем всё тогда закончилось, напомни? — спросил кто-то.
Пауза.
Короткая.
Опасная.
— Ты правда хочешь это обсуждать здесь? — тише.
— Да ладно, — усмешка. — Все и так знают.
Кира почувствовала, как холод медленно поднимается вверх.
— Она сама, — спокойно произнёс голос.
Слишком спокойно.
— В смысле?
— В прямом.
Пауза.
— Серьёзно?
— А ты думаешь, просто так? — тихий смешок. — После того, как Вика за неё взялась?
У Киры перехватило дыхание.
— Ну она сама виновата, — сказал другой голос. — Кто просил лезть к Максиму?
Имя прозвучало чётко.
Как удар.
— Он тогда с Викой был.
— И что? — усмешка. — Это когда кого-то останавливало?
— Её остановило.
Короткий смешок.
— Поздно.
Тишина.
— Она реально думала, что может что-то изменить, — добавил голос. — Писала ему.
Бегала за ним.
— Жалко её?

Пауза.

— Нет.

Просто.

Без эмоций.

— Здесь либо понимаешь правила

— либо исчезаешь.

Тишина стала глухой.

Шаги.

Голоса начали удаляться.

Кира не двигалась. Она даже не сразу поняла, что не дышит.

Максим. Виктория. Та девушка. Картинка сложилась слишком быстро. Слишком чётко.

«Это не слухи».

Слишком спокойно они говорили. Как о чём-то привычном.

Она сделала шаг назад. Потом ещё. Руки похолодели.

«Здесь не просто унижают».

Мысль пришла сама.

«Здесь ломают».

И если ты не уходишь — тебя доводят.

Кира резко развернулась.

И почти побежала.

К выходу.

Потому что впервые за всё время ей стало по-настоящему страшно остаться здесь.

Где-то в это же время Виктория уже знала, что Кира осталась. И что вчерашнего было недостаточно.

Она не спешила.

Она строила.

А в другой части здания

Андрей уже открывал первый файл.

Имя: Кира.

Игра только начиналась.

Глава 5. То, что уже было

Она не помнила, как выбежала.

Коридор, голоса, тот разговор — всё смешалось в один глухой шум, от которого невозможно было отгородиться. Слова цеплялись, повторялись, и чем дальше она шла, тем громче становились.

«Сама». «Поздно». «Её остановило».

Двери распахнулись.

Холодный воздух ударил в лицо.

Кира почти выбежала на парковку, не разбирая дороги.

— Осторожно.

Резкий голос.

Рука схватила её за запястье и дёрнула назад.

Машина пронеслась слишком близко.

Секунда.

— Ты вообще смотришь, куда идёшь?

Максим.

Она подняла глаза — и внутри всё сжалось.

Теперь он был частью того, что она слышала.

Он это увидел.

— Что случилось? — тише.

Она резко вырвала руку.

— Не подходи ко мне.

Тишина.

Он не двинулся.

— Кто-то что-то сказал?

— Я сказала — не подходи.

Жёстко.

Он сделал паузу.

— Тогда объясни.

— Мне нечего тебе объяснять.

Он сделал шаг ближе —

— Эй!

Артём.

Он появился резко, будто искал её.

— Всё нормально? — быстрый взгляд на Максима.

Пауза.

— Поехали, — сказал он Кире. — Я отвезу тебя.

Она замерла.

— Я

— Слушай, — он провёл рукой по волосам, — я был резок. Извини. Надо было срочно уехать.

Он говорил быстрее обычного.

Не так спокойно.

— Поехали отсюда, — тише добавил он.

Кира посмотрела на Максима.

Тот не вмешивался.

Но и не уходил.

Она кивнула.

— Ладно.

Машина тронулась.

Сначала — тишина.

Только дорога и редкие огни.

— Ты хочешь рассказать? — спросил Артём.

— Нет.

— Окей.

Пауза.

— Тогда просто отвезу.

Она кивнула.

Но через минуту всё же сказала:

— Ты давно их знаешь?

— Кого?

— Максима. Викторию.

Он усмехнулся.

— Давно.

— Они были вместе?

— Да.

— А сейчас?

— Сложно.

Пауза.

— Та девушка — тихо сказала Кира. — Это правда?

Он сжал руль чуть сильнее.

— Да.

— Из-за Виктории?

Пауза.

— Здесь никто не падает просто так.

Он не ответил прямо. И этого было достаточно.
— Она любила его? — спросила Кира.
— Да.
— А он?
Артём коротко выдохнул.
— Это уже не имело значения.
Тишина.
— Я не хочу оказаться на её месте, — сказала она.
Он кивнул.
Но затем посмотрел на неё иначе.
— Ты слишком много думаешь о нём.
— Я думаю о том, что происходит.
— Конечно.
Но в его голосе уже было напряжение.

Он довёз её до дома.
Обычный двор.
Тусклый свет.
Кира открыла дверь, но задержалась.
— Спасибо.
— Не за что.
Пауза.
— Будь аккуратнее, — добавил он.
Она кивнула.
И вышла.
Дверь закрылась.
Она не обернулась.
Артём остался.
Машина не двигалась.
Он сжал челюсть.
— Чёрт
Выдохнул тихо.
И вдруг — другое.
Виктория. Музыка. Свет.

Раньше он долго не мог оторваться от этого воспоминания — как будто именно там что-то сломалось, но он тогда не понял где.

Та вечеринка была одной из тех, где всё слишком громко, слишком ярко и слишком легко. Музыка била в стены, люди смеялись громче, чем чувствовали, и каждый пытался казаться кем-то большим.

Виктория в этом не пыталась.

Она уже была.

Он заметил её не сразу — она не стояла в центре, не привлекала внимание специально. Но пространство всё равно как будто подстраивалось под неё. Люди смещались, разговоры меняли тон, когда она проходила рядом.

Она подошла к нему сама.

— Ты сегодня странный, — сказала она, остановившись слишком близко.

— Ты тоже, — ответил он, хотя это было неправдой.

Она усмехнулась.

— Я всегда одинаковая.

И в этом не было ни кокетства, ни игры.

Просто факт.

Он не сразу понял, в какой момент разговор перестал быть разговором. Она не задавала лишних вопросов, не пыталась узнать его — она как будто уже решила, что он ей подходит.

И этого оказалось достаточно.

— Пойдём, — сказала она.

Не «хочешь». Не «может». Просто — пойдём.

Он пошёл. Как будто решение уже было принято за него. И он не сопротивлялся.

Комната встретила их тишиной. Той самой, в которой любое движение звучит громче, чем должно.

Дверь закрылась.

Щелчок — слишком отчётливый.

И на секунду они просто стояли. Слишком близко.

Артем смотрел на неё — уже иначе. Не так, как раньше. Не с расстояния. Сейчас он видел детали. Дыхание. Лёгкое движение её плеч. То, как она не отводит взгляд.

И не отступает.

Первой двинулась она.

Без резкости. Но и без сомнений.

Её пальцы коснулись его — легко, почти осторожно. Но в этом прикосновении не было неуверенности. Скорее точность.

Как будто она знала, где именно его коснуться.

Артем резко выдохнул. Он ожидал холод. Ту отстранённость, которая была в её взгляде. Но её кожа была тёплой. Живой.

И это выбило сильнее всего.

— Ты — он хотел что-то сказать.

Она не дала.

Просто приблизилась. Слишком близко, чтобы оставалось место для слов. Её дыхание коснулось его губ.

И в этот момент он понял, что уже не контролирует ничего.

Это не было медленно. Но и не было хаотично. Каждое движение — как будто выверено. Не случайно. Не спонтанно. Она вела.

И это было странно. Потому что он привык быть тем, кто задаёт ритм.

Но сейчас он не хотел.

Её руки скользнули по его плечам, остановились на мгновение — словно проверяя, реал ли он. И в этом коротком касании было больше, чем в любом слове.

Артем закрыл глаза. Потому что чувств было слишком много.

И слишком быстро.

Он поймал себя на одной мысли — настолько ясной, что от неё стало почти не по себе: она не просто рядом. Викакак будто создана так, чтобы идеально совпасть с ним. Не внешне. Глубже. И это было опасно.

Потому что такого не бывает.

В какой-то момент он перестал пытаться понять.

Просто был.

С ней.

В этом.

Когда всё закончилось, тишина вернулась. Но уже другая. Более плотная.

Артем остался лежать, глядя в потолок. Сердце всё ещё билось быстрее, чем должно. Он пытался поймать мысль.

Что изменилось.

Потому что что-то изменилось. Сильно. И необратимо. Он это чувствовал. Но не мог сформулировать.

А Виктория уже встала.

Спокойно.

Без суеты.

Собиралась так, как будто это был просто ещё один эпизод. Ни неловкости. Ни лишних движений. Как будто для неё это не было чем-то, что нужно осмыслить.

Артем впервые не просто запомнил человека.

Вика попала в него глубже, чем планировала. о

— Ты уходишь? — спросил он.

Она взглянула на него.

— А что должно быть дальше?

Пауза.

Он не нашёл ответа.

Она поправила волосы.

— Не усложняй, — добавила она.

И ушла.

На следующий день всё стало на свои места.

Слишком быстро.

Она стояла в холле. Та же осанка. Тот же взгляд.

Но рядом с Максимом.

И держала его за руку.

Как будто так было всегда.

Как будто вчерашней ночи не существовало.

Артем тогда не подошёл.

Просто смотрел.

И впервые понял разницу.

Он выбирал момент.

Она — людей.

И он оказался не выбором.

А эпизодом.

С тех пор он запомнил главное:

с Викторией нельзя быть «почти».

Либо ты часть её игры.

Либо — уже вне неё.

Он резко вынырнул из воспоминаний не потому, что сам этого захотел — телефон снова зазвонил.

Звук прорезал тишину салона. Жёстко. Навязчиво.

Артем даже не посмотрел сразу. Он уже знал, кто это.

На экране — короткое имя. Без фото. Без лишнего.

Он ответил почти сразу.

— Да.

Пауза.

Он слушал. Не перебивал.

И с каждой секундой его лицо становилось жёстче.

— Я понял.

Голос с той стороны не повышался. Не давил напрямую.

Но в нём было то, от чего не отказываются.

Контроль.

— Она уже внутри, — продолжил голос. — Значит, теперь это твоя зона.

Артём сжал руль сильнее.

— Что именно нужно? — коротко спросил он.

Пауза.

— Наблюдай. Не мешай. Но если начнёт выходить за рамки — ты вмешаешься.

Тишина.

— Понял.

— И ещё, — добавил голос спокойнее, — она не должна влиять на расстановку.

Короткая пауза.

— Особенно на Максима.

Щелчок. Связь оборвалась.

Артём медленно опустил телефон.

Несколько секунд просто сидел.

Не двигаясь.

«Отец Виктории».

Имя, которое не произносят лишний раз.

Но выполняют.

Он выдохнул. Тяжело.

И впервые за всё время посмотрел на происходящее иначе.

Это уже не про университет.

Не про Викторию.

И даже не про Максима.

Это уровень выше.

И теперь он в этом не наблюдатель.

А часть.

— Чёрт — тихо сказал он.

И завёл машину.

Потому что отказаться у него уже не было варианта.

Поздно вечером.

Андрей закрыл файл.

— Интересно

Он взял телефон.

— Нашёл.

Максим не сразу поднял взгляд.

— Говори.

— Девочка чистая.

Пауза.

— Почти.

Теперь он посмотрел.

— Почти?

Андрей протянул планшет.

— Мать.

Максим взял.

Пробежался глазами.

И остановился.

Тишина.

— Ты уверен? — тихо.

— Да.

Он ещё раз посмотрел.

И впервые за всё время его взгляд изменился.

Не интерес. Не оценка.

Проблема.

— Значит

Он не договорил. Потому что теперь это было глубже, чем просто игра.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.